

Кружили хлопья снега. Храмовые фонари погасли, когда рухнула земля, и лесную чащу поглотил мрак. Сознание Харе плыло, голова раскалывалась, мир вокруг расплывался мутными пятнами, но губы Сукуны он видел отчетливо, словно сквозь увеличительное стекло.

У Сукуны был на удивление красивый очерк губ — бледных, влажных, кажущихся мягкими на вид. Их так и подмывало укусить. Это совершенно не вязалось с тем пугающим образом, который обычно окружал Короля проклятий. Харе казалось, что у столь жестокого существа и губы должны быть тонкими, жесткими и холодными.

Пожалуй, он впервые разглядывал Сукуну так близко. Кроваво-красные глаза, расположенные асимметрично, причудливые черные узоры на лице и переносице — все это вопреки логике лишь подчеркивало его пугающую, нечеловеческую красоту.

Даже... притягательно.

Сукуна был огромен. Прижимаясь к нему всем телом, Харе сквозь ткань одежды ощущал жесткий рельеф мышц, готовых к мгновенному, сокрушительному броску.

«Он наверняка чертовски хорош в рукопашной, — Харе мысленно усмехнулся. — Никаких слабых мест. Не зря его зовут Королем проклятий».

Харе вспомнил, что такие же черные отметины покрывали все тело Сукуны. Он видел их в общежитии Технической школы магии, когда впервые призвал его. Они спускались даже на бедра — дразнящие, похожие на похотливые клейма суккубов.

С четырьмя руками и четырьмя глазами в человеческом мире он, должно быть, выглядел сущим чудовищем. Интересно, был ли он настолько свиреп и силен с самого детства? Ведь если ты рождаешься непохожим на других и не умеешь защищаться, тебя быстро загрызут.

Харе и сам прекрасно помнил это чувство. С самого детства, сколько он себя помнил, из-за природы проклятого чрева и отсутствия родителей за его спиной постоянно шептались. Старейшины клана в один голос твердили, что его грязная кровь оскверняет наследие Годжо, и называли его предвестником беды.

Харе засмотрелся, проваливаясь в собственные мысли, которые кружились в такт падающему снегу. Боль и глухая ярость kloкотали в груди, заставляя его бледно-голубые глаза терять фокус, а зрачки — расширяться.

Сукуна скосил на него нижнюю пару глаз и сразу понял: пацан не слышал ни слова.

Сукуна усмехнулся. Тратить время на пустую болтовню не хотелось.

— Ладно. Считаю до трех. Если промолчишь — сочту за согласие, и мы заключим новый об...

Договорить он не успел. Харе вдруг рванулся вперед, обхватил ладонями его лицо и впился в губы, похоронив слово «обет» в глубине поцелуя.

— Ха-ха... — безумный, прерывистый смех сорвался с его губ в долю секунды до того, как они соприкоснулись.

В его чертах проступило дикое, пугающее неистовство. Покрасневшие, застланные лопнувшими капиллярами глаза округлились, мокрые черные пряди прилипли к бледной коже, а лицо исказила болезненная, лихорадочная улыбка.

Он целовал грязно, наотмашь. Острым клыком прикусил чужую губу и, пользуясь тем, что Сукуна приоткрыл рот во время разговора, бесстыдно протолкнул язык внутрь, сплетаясь с его собственным.

Он действовал грубо, подгоняемый лихорадочным жаром и затуманенным рассудком, и в какой-то момент просто прокусил Сукуне губу до крови.

— Как же хочется жрать... Ха-ха-ха! Я сожру тебя! Слышишь? Сожру целиком!

Почувствовав вкус чужой крови, Харе расплылся в безумном оскале, словно дорвался до редкого лакомства. Но в глубине его глаз полыхала дикая, необъяснимая ненависть — словно он действительно вознамерился содрать с Короля проклятий кожу и перемолоть его кости в труху.

Почувствовав укол боли, Сукуна на долю секунды опешил от такой наглости обезумевшего мальчишки. Но ступор мгновенно прошел, и проклятие перехватило инициативу.

Запустив пальцы в мокрые волосы Харе, он жестко зафиксировал его затылок, повернул голову и ответил на поцелуй сокрушительным напором, властно сминая его губы и пробуя на вкус каждое движение податливого языка.

В тишине ночного леса отчетливо раздавались влажные, бесстыдные звуки поцелуя.

Инициатива была безвозвратно утеряна. Харе не мог вымолвить ни слова; воздух в легких стремительно кончался, из горла вырывались лишь глухие, протестующие стоны, которые тут же гасли во рту Сукуны.

Он не мог сомкнуть губы; изо рта стекала тонкая влажная ниточка, которую Сукуна не успевал слизывать. Она пачкала подбородки обоих. На влажной коже темные линии татуировок Сукуны казались еще чернее, придавая его облику откровенно порочный вид.

Иногда проклятие нехотя отстранялось, давая Харе сделать короткий вдох. В эти мгновения на их горячие, едва разомкнутые губы и переплетенные кончики языков опускались редкие

снежинки. Они таяли мгновенно, оставляя едва заметную сладковатую прохладу, которая, впрочем, не могла унять бушующий внутри пожар.

Для Сукуны не имело значения, каким способом поглощать проклятую силу — любой источник насыщал его одинаково. Однако сейчас он с удивлением обнаружил, что через поцелуй этот процесс приносит куда больше удовольствия.

— А ты хорош в таком бесчинстве, малый...

Хаос, безумие, чистый порок и первозданная злоба. Как же это было прекрасно.

Харе, чей разум все еще туманился от бушующей внутри скверны, походил на дикого, ошестившегося волчонка. Стоило ему получить хоть секунду свободы, он тут же бросался в атаку.

Он не разбирал слов. Подавшись вперед, он со всей силы впился зубами в резко очерченный кадык Сукуны.

Тот глухо выдохнул — то ли от боли, то ли от странного, острого наслаждения — и тихо рассмеялся. В его хриплом голосе послышалась издевка:

— Куда торопишься? Я ведь еще даже не приступал к основному блюду...

Пальцы Сукуны собственническим жестом обхватили подбородок Харе, заставляя его запрокинуть голову, и Король проклятий снова накрыл его губы своими.

По мере того как Сукуна насыщался, поток темной энергии, разрывавший Харе изнутри, начал иссякать.

Черные капли крови больше не проступали сквозь поры, терзавшая тело боль утихла, к конечностям вернулась чувствительность. Леденящая ненависть, душившая его в груди, медленно отступала.

И тут до Харе наконец дошло, что именно он творит.

Кожу на голове мгновенно стянуло от ужаса.

«Так, стоп... Какого черта вообще происходит?!»

Ошарашенный, он резко отпрянул, разрывая удушающий поцелуй, и спросил первое, что пришло в голову, лишь бы сгладить неловкость:

— Слышь... А почему тебя эта дрянь не убивает? Как ты ее перевариваешь?

Сукуна медленно оскалился. Большим пальцем он небрежно стер влажный след с губ Харе:

— И за кого ты меня принимаешь?

В его тоне сквозило безграничное, абсолютное превосходство.

Будучи величайшим из проклятий, он сам являлся воплощением худшего зла. Подобная темная скверна для него была не более чем изысканным деликатесом.

Харе лишь зубами скрипнул.

«Сволочь высокомерная. И ведь не поспоришь».

Он осторожно размял затекшую шею и вдруг осознал, что все еще висит на Сукуне. Краска мгновенно бросилась ему в лицо. Что еще хуже — его память не стерлась. Он во всех красках, до мельчайших подробностей помнил собственное безумие. И то, что он сам на него набросился. Точнее, сам полез целоваться.

От стыда хотелось провалиться сквозь землю.

Харе попытался разжать руки и сползти на землю, но крепкая хватка на его бедре не ослабла ни на йоту.

— Кхм... Слышь, я уже в порядке. Пусты, сам пойду, — он отвел взгляд в сторону, отчаянно стараясь не думать о том, что только что добровольно залез Королю проклятий в рот.

Земля под ним качнулась, и в следующий миг Харе оказался вдавлен спиной в заснеженную траву. Он инстинктивно зажмурился.

«Ну все, приплыли. Он взбесился из-за поцелуя. Сейчас убьет».

Ладно, сам виноват, за дело огребают... Стоп, что?

Кожу обдало резким холодом. Харе открыл глаза и увидел, что остатки его хаори, наполовину разъеденного проклятой кровью, бесцеремонно распахнуты. Холодные хлопья снега густо посыпались на обнаженную грудь. От резкого температурного контраста мышцы мгновенно подобрались, а соски стянулись в тугие бусины.

— Если уж начал, терпи, пока я не насычусь, — лениво процедил Сукуна, нависая над ним

тяжелой, удушающей скалой. На его губах играла хищная усмешка. — У тебя нет права говорить мне «хватит», малец.

Он бесцеремонно припал губами к его груди, больно прикусывая кожу. Харе замер на несколько секунд, но тело предательски выгнулось навстречу чужому теплу. Сгорая от стыда, он попытался воззвать к его разуму самым вежливым тоном, на какой был способен:

— Слушай... может, выберешь другое место для укусов? И... оставишь мне немного сил? Мне нужно проверить, как там люди у подножия горы... А-ах!

Он из всех сил старался соблюдать приличия, но Сукуна, стоило ему почуять хоть намек на сопротивление, лишь усилил нажим, действуя исключительно наперекор.

— Да ты... — у Харе вертелась на языке добрая сотня отборных проклятий.

Он попытался смолчать.

Но терпение лопнуло.

— Прекрати зубы точить! У меня тут тебе не молочная ферма, твою мать!

В ответ Сукуна укусил его еще ощутимее, заставляя парня судорожно втянуть воздух, чтобы не застонать во весь голос. С трудом сдерживая дрожь, Харе процедил сквозь зубы с максимальной злостью, на которую был способен:

— Малыш Сукуна... Тебя что, до сих пор от груди не отлучили?!

Яд в его голосе так и брызгал, но из-за предательски срывающегося дыхания угроза звучала жалко.

Сукуна уже собирался наглядно проучить строптивого мальчишку, как вдруг замер. Он резко вскинул голову, глядя куда-то в глубь леса. На его лице на мгновение проступило секундное недоумение, которое тут же сменилось хищным азартом.

— Хе... А у меня для тебя забавная новость.